

Сергей Павлович ШИЛОВ —
зав. кафедрой документоведения,
источниковедения и историографии
факультета истории и политических
наук, кандидат исторических наук,
доцент

УДК 94 (430)

АДМИРАЛ ТИРПИЦ И ЗАХВАТ ГЕРМАНИЕЙ ЦЗЯОЧЖОУ В 1897 ГОДУ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается позиция адмирала А. Тирпица в деле захвата Германией китайской бухты Цзяочжоу. Как командующий восточноазиатской эскадрой Тирпиц старался вывести германскую дальневосточную политику из «опасной зоны» столкновения с Англией и направить ее в более безопасную сферу отношений с Россией. Как морской министр с 1907 г. он стал опасаться осложнения отношений и с Россией, конфликт с которой в Китае мог негативно отразиться на новых планах строительства германского флота.

This article deals with Admiral Tirpitz' position in capture of China bay Kiao-chow. Being the Commander-in-Chief of the East-Asian squadron Tirpitz tried to shift the Far East German policy from «perilous zone» of collision with England and direct it to the sphere of safer relations with Russia. Being the State Secretary of Navy since 1907, he avoided complicated relations with Russia, because the possibility of conflict situation between German and Russia in China could negatively influence upon new projects of building German fleet.

Раздел Китая знаменовал один из самых критических этапов в развитии международных отношений конца XIX в. Некоторая сыгранность «европейского концерта» в китайской политике нарушилась, когда германская эскадра под командованием адмирала О. Дидерикса появилась 14 ноября 1897 г. в бухте Цзяочжоу. И хотя акцию германского правительства по захвату китайской территории нельзя назвать неожиданной, она готовилась с 1894 г. [1], международный резонанс от ее проведения оказался сильным.

Изданий, посвященных данной теме, немало. Последнее из них вышло немногим более трех лет назад. Речь идет о монографии Е. Ю. Сергеева, посвященной политике Англии и Германии на Дальнем Востоке, где анализу германского «броска в Цзяочжоу» посвящена целая глава [2]. Документальные публикации из германских и российских архивов позволили историкам представить все дипломатические перипетии по этому вопросу [3].

В отечественной историографии роль адмирала А. Тирпица в захвате Цзяочжоу исследована не в полном объеме. Традиционно его изображают как ярого сторонника планируемой акции. Не последнюю роль в такой интерпретации сыграли мемуары самого Тирпица, в которых он приписывал исключительно себе заслугу в приобретении этого опорного пункта. Историки, как правило, не прослеживают эволюцию его взглядов на проблему захвата Цзяочжоу. В то время как документы говорят о другом.

В германском правительстве давно искали на побережье Китая подходящий пункт для создания экономической и военной базы. Уже в середине ноября 1894 г. кайзер Вильгельм II выступил с такой инициативой. Позже в этом смысле высказывался и немецкий посланник в Пекине. Он предложил захватить Пескадорские острова или Цзяочжоу. Однако канцлер и руководитель иностранного ведомства были более осто-

рожны. Х. Гогенлоз и А. Г. Маршалль считали возможным приобретение опорного пункта только в случае раздела Китая между великими державами [4]. В течение 1895 г. позиция имперских ведомств неоднократно менялась. Общим было лишь стремление закрепиться в Китае.

Когда в апреле 1896 г. Тирпиц был назначен командующим Восточно-Азиатской крейсерской эскадрой, ему указали на три возможных объекта: Амой, Замза и Чусан. Город Амой был английским сэттльментом и лежал к северо-востоку от Гонконга. Ему отдавали предпочтение министерство иностранных дел и морское ведомство. Пустынная бухта Замза (залив Дапэнвань) и острова Чусан (Чжоушань) находились у восточной оконечности Китая, близ Шанхая, и также лежали в сфере английского влияния.

По прибытии на Дальний Восток Тирпиц приступил к изучению потенциальных опорных пунктов. Чтобы сделать окончательный вывод об их военной и экономической пригодности, он непосредственно осматривал территории, беседовал с купцами и военными моряками. Своими первыми соображениями Тирпиц поделился с верховным командованием флота в сентябре 1896 г. Все три названных пункта оказались ему неподходящими.

Из бесед с первым секретарем английского посольства в Пекине Бюклером, морским инженером Р. Гардингом, большим знатоком китайского побережья, экспертом по торговле с Китаем консулом Дрэнаном и другими высокопоставленными чиновниками в Китае он понял, что Великобритания считала острова Чусан непригодными для стоянки своего флота. Главными причинами являлись чрезвычайно большие перепады уровней воды и необходимость проведения крупных фортификационных работ. Кроме того, обладание этим опорным пунктом не обеспечивало контроль над устьем реки Янцзы [5]. И в случае занятия Германией островов Чусан, как указывал Тирпиц в своих мемуарах, «следовало ожидать осложнений с Англией» [6].

Тирпиц не был настроен оптимистично и в отношении Амоя. Кроме морского ведомства и министерства иностранных дел к этому городу склонялся сам кайзер, а также новый посланник в Китае барон Э. Гейкинг. Последний встречался с императором в Потсдаме, перед тем как отправиться к месту службы. По прибытии в Чифу Гейкинг сообщил Тирпицу о встрече с кайзером. Он передал пожелание императора плодотворной работы «лучшего посланника и лучшего адмирала». На вопрос Тирпица, на что кайзер «нацелился», Гейкинг ответил: «На Амой» [7].

В Берлине почему-то считали, что Англия не будет препятствовать занятию китайского города. Тирпиц придерживался другой точки зрения, хотя сам он признавал, что многие англичане в Китае считали справедливой передачу Амоя Германии. Фактическая же уверенность Берлина, как писал Тирпиц адмиралу Э. Кнорру в начале сентября 1896 г. из Хакодаты, основывалась лишь на высказываниях английского адмирала Буллера. Покидая осенью 1895 г. Амой, Буллер допустил возможность занятия бухты германской эскадрой. «Такую позицию английского адмирала вряд ли стоит принимать во внимание без предварительного одобрения английского правительства», — писал Тирпиц командующему германским флотом [8].

Другим аргументом Тирпица против занятия Амоя были очень сомнительные перспективы в отношении получения экономических дивидендов. Согласно его данным, в период с 1888 г. до 1895 г. объем торговли гавани упал с 1 210 233 таэлей до 701 151 таэля (1 таэль = 3,34 марки) и занимал лишь девятое место среди других китайских портов [9].

Замза страдала не меньшими недостатками. Исследования береговой линии и водного пространства бухты, проведенные с кораблей восточноазиатской эскадры, показали, что вход в нее был недостаточно глубок, а сильное течение создавало

водовороты. Наконец, «бухта лихорадок и тифа» не могла стать конкурентом полумиллионного торгового города Фучжоу, расположенного за горами [10].

Таким образом, все три бухты, названные Берлином как перспективные для захвата, по мнению Тирпица не удовлетворяли ни экономическим, ни военным требованиям. Однако на первом плане для Тирпица стояли причины политического характера. В мемуарах он признавал, что вторжение в английскую сферу влияния привело бы к китайскому изданию германо-британского конфликта из-за Трансвааля. В этом случае Англия могла лишиться германские корабли возможности пользоваться доками. «... Мы повисли бы в воздухе с нашими нуждающимися в ремонте кораблями, на которых основывался германский престиж в этой части света» [11].

Что касается Цзяочжоу, то для Берлина этот пункт казался неприемлемым. Он был, во-первых, далек от великого торгового пути, во-вторых, использовался русским флотом для зимней стоянки. Последнее обстоятельство, а также опасения, что Россия будет против германской базы на севере Китая, собственно и склоняли дипломатов и кайзера к Амою.

Однако Тирпиц считал, что кроме Цзяочжоу другой военной и экономической базы для германского флота быть не может.

Поскольку верховное командование флотом отдавало предпочтение Чусан, Тирпиц приложил немало усилий, чтобы склонить его к Цзяочжоу. В начале сентября он напомнил командующему флотом адмиралу Кнорру о значении, которое придается в германских торговых кругах Цзяочжоу. Кроме того, это «единственная хорошо созданная самой природой гавань во всем Китае к северу от Шанхая» [12].

Не меньше Англии Тирпиц опасался России. Однако он предпочитал лучше испортить отношения с «восточным медведем», нежели с «туманным Альбионом». Из «авторитетных источников» германский адмирал узнал, что в российских военноморских кругах считали занятие китайской бухты ненужным и даже вредным делом. Однако в иностранном ведомстве были и те, кто признавал важность приобретения Цзяочжоу, например русский посол в Пекине.

Тирпиц понимал, что приобретение Россией Цзяочжоу означало «расширение русской сферы интересов над всем Северным Китаем до реки Янцзы» и «эта территория в случае войны с Англией или Японией станет объектом... высокой цены...» [13]. Одновременно Тирпиц пытался убедить адмирала Кнорра и министерство иностранных дел, что в случае захвата бухты Россия еще долгие годы не сможет вкладывать туда средства ни для ее экономического процветания, ни для решения военных задач. На это имелись веские причины. «Россия стремится укрепить обороноспособность Порт-Артура, конечного пункта маньчжурской железной дороги с помощью китайцев и за счет китайских финансовых средств. Как долго это может продолжаться и будет ли достаточно этих средств, не потребуются ли дополнительные русские войска, чтобы гарантировать себя от любой измены китайцев в случае серьезного конфликта... эти вопросы остаются открытыми. Если Россия выберет другой конечный пункт маньчжурской дороги, например Чемульпо, где уже имеются склады угля и госпитальные сооружения, то ей придется укреплять этот пункт. В любом случае России пришлось бы оборонять три места... Как мне представляется, это даже для русского кошелька и русской армии очень тяжело» [14]. В заключение Тирпиц заметил: «Россия имеет в Китае столько, что ей все просто не унести» [15].

Чтобы окончательно убедиться в правильности своего выбора он отправился во Владивосток, где его интересовало отношение руководства русского флота к проблеме приобретения Германией опорного пункта в Китае. Когда он спросил об этом командующего эскадрой Тихого океана адмирала Е. И. Алексеева, последний попытался привлечь внимание к Амою. Тирпицу казалось вполне естественным желание русских направить германскую экспансию в английскую сферу влияния и тем

самым предотвратить создание немецкой военной и экономической базы близ Пекина. Именно там Россия претендовала на роль лидера [16].

Итак, Тирпиц сделал со своей стороны все возможное, чтобы склонить Берлин в сторону Цзяочжоу. Его мнение было доведено до кайзера. Как писал Тирпиц, кайзер, вызвав специалиста по портовым сооружениям, услышал доводы в пользу Цзяочжоу [17]. Однако понадобился почти целый год, чтобы Берлин решился, наконец, на проведение задуманной акции.

Весной 1897 г. Тирпиц получил приказ оставить Восточную Азию, для того чтобы возглавить военно-морское ведомство. По прибытии в Германию он окунулся в работу. Предстояло разработать законопроект о флоте.

Едва появившись в Потсдаме после своего назначения в начале июня 1897 г., он тут же был уведомлен кайзером, что подготовка к проведению кампании в пользу строительства флота уже окончена и специальная комиссия во главе с адмиралами Э. Кнорром и В. Бюкселем разработала проект закона. Этот документ, по мнению Тирпица, был «совершенно негоден» [18]. Речь шла о тактических и стратегических принципах, на которых должно было осуществляться строительство германского флота.

Проект главного командования «ставил во главу угла огромный заграничный флот». Тирпицу, судя по его «Воспоминаниям», удалось убедить Кнорра и Бюкселя в ошибочности их взглядов раньше, чем он (15 июля 1897 г.) был принят кайзером. Последний, «поразительно легко изменивший свое мнение, одобрил ... мой план строительства флота; таким образом ... проект создания заграничного флота ... окончательно исчез с горизонта» [19]. Вместе с этим было достигнуто и принципиальное согласие кайзера на создание линейного (наступательного) флота.

После свидания с кайзером морской министр отправился в Бад Эмс и в С.-Блазиен, где он лечился от полученного в тропиках катара легких. Там «собрался кружок лиц, выбранных мною для разработки программы». Среди этих сотрудников, таких как Алефельд, Ф. Ингеноль, Г. А. Мюллер, Г. Поль, Тирпиц особо выделял капитана Капелле. Он, по словам адмирала, был «виртуозом в государственных делах», «незаменим для парламентской работы», «прекрасно разбирался в финансовых вопросах» [20].

При помощи своих единомышленников Тирпиц в течение июня-июля 1897 г. составил подробную записку о целях морского вооружения, ставшую ядром будущего флотского закона и получившую название «Эмского меморандума». Его заголовок «Всеобщая точка зрения на деление нашего флота по корабельным классам и типам» по своему содержанию выходила за рамки своего названия. В этом, по выражению Стейнберга, «самом примечательном документе истории германского флота» [21] Тирпиц окончательно развил собственную стратегическую концепцию. В начале меморандума он отклонил крейсерскую войну как бесперспективную для Германии. Называя Англию «опаснейшим противником», Тирпиц считал, что против нее «крейсерская и трансокеанская война» бессмысленна. Рейху необходим такой флот, который «значил бы что-нибудь между Гельголандом и Темзой» [22].

Проведение через рейхстаг закона, предложенного военно-морским министром, открывало перспективы строительства большого океанского флота, способного решать и колониальные задачи. Пока Германия не достигла этой цели, не следует привлекать к себе внимание других держав необдуманными внешнеполитическими акциями.

Отказ от программы строительства крейсерского флота означал для Тирпица определенный пересмотр его позиции в отношении приобретения опорного пункта в Китае.

В июле-ноябре 1897 г. последовали дипломатические переговоры с Россией по поводу захвата Германией Цзяочжоу. На эту тему вели беседу германский посол в Петербурге Г. Радолин с российским министром иностранных дел М. Н. Муравьевым, а также кайзер Вильгельм II с царем Николаем II. Неопределенность позиции русского императора немецкая сторона интерпретировала как согласие на свободу

действий в отношении китайской бухты [23]. Убийство двух германских миссионеров в провинции Шаньдунь 1 ноября 1897 г. в Берлине расценили как удобный повод для начала запланированной акции. В ответ на телеграмму кайзера Николаю II о намерении наказать китайских «мародеров», последний сообщил: «Я не могу ни одобрить, ни не одобрить посылки эскадры в Цзяочжоу, так как я недавно узнал, что эта гавань вообще была в наших руках временно в 1895-1896 году...» [24]. Муравьев был более решителен. Он заявил о возможности посылки в Цзяочжоу военных кораблей для утверждения «права первой стоянки» [25].

Опасность столкновения с Россией вызвала неподдельную тревогу в германском военно-морском ведомстве. 10 ноября Тирпиц телеграфировал Гогенлоэ: «В связи с проектом флотского закона операцию против Китая считаю неблагоприятной и сомнительной по форме осуществления, так как это неизбежно приведет к военным осложнениям. Убедительно прошу Вашу Светлость об аудиенции» [26]. Сначала Гогенлоэ не разделял опасения Тирпица. Находясь в Грабово и планируя на следующий день прибыть в Берлин, он телеграфировал заместителю министра иностранных дел В. Ротенану, что не считает войну с Россией из-за Цзяочжоу неизбежной. Однако он желал вернуться к разговору с морским министром, так как тот «хорошо изучил эту проблему» [27].

О результатах встречи Тирпица и Гогенлоэ можно судить по письму Гольштейна Гатцфельду от 13 ноября. На ней адмирал заявил о неизбежности войны и с Китаем, если программа захвата Цзяочжоу будет осуществлена [28]. По всей видимости, ему удалось убедить рейхсканцлера в своей правоте. Гогенлоэ распорядился изменить инструкцию для адмирала Дидерикса так, чтобы его действия в Китае не спровоцировали военного конфликта [29].

В министерстве иностранных дел также разделяли опасения Тирпица. Бюлов высказался за более осторожную тактику в отношении Цзяочжоу [30]. Этой же точки зрения придерживался и близкий друг Вильгельма II германский посол в Вене Ф. Эйленбург. В переписке с советником министерства иностранных дел Ф. Гольштейном он указывал, что «приобретение Киао-Чао затруднительно и может быть малопопулярным в Германии. Немцы тяготеют к качеству, а не к количеству ... Я больше за другую гавань, так как очень авторитетные люди называют мне Киао-Чао как непригодный объект» [31]. Главным авторитетом в этом вопросе дипломат считал морского министра, образно выразив его позицию словами: «...будет лучше, если не впиваться в Киао-Чао, как вошь в восточноазиатскую шкуру» [32].

В какой то момент засомневался и Гольштейн, оказывающий тогда значительное влияние на внешнюю политику Германии. По его мнению, всю ответственность за последствия захвата Цзяочжоу должен взять на себя кайзер, и ему нет смысла давать какие-либо советы. «Он один знает, хочет он войны с Россией или нет» [33]. Гольштейн считал, и об этом он писал Эйленбургу, что кайзер скорее находится под большим влиянием руководителя морского кабинета Г. Зендена-Бибрана, чем Тирпица. Именно Зенден-Бибран заявил на совещании во внешнеполитическом ведомстве, что «дальнейшее улаживание вопроса вокруг Киао-Чао является делом дипломатии, которая должна иметь в руках достаточное количество козырей против России» [34]. Однако, как считал Гольштейн, Германия потеряла козыри против России вследствие телеграммы президенту Трансвааля Крюгеру и проекта континентальной лиги против Англии. «Телеграмма Крюгеру, — писал Гольштейн, — была инициирована Зенденом; он втраивает кайзера против Англии и не осознает значение потери нашей позиции по отношению к России и Франции» [35].

Таким образом, будучи командующим восточноазиатской эскадрой, Тирпиц старался вывести германскую дальневосточную политику из «опасной зоны» столкновения с Англией и направить ее в сферу отношений с Россией. Однако, став морским министром и приступив к разработке первого закона о флоте, он стремился избегать

осложнений и с Россией. Конфликт с ней, как и с Англией, мог негативно отразиться на планах германского флотского строительства. История с захватом бухты Цзяочжоу показала, что отношения с Россией глава военно-морского ведомства относил к той же проблеме «опасной зоны», пройдя которую успешно Германия достигнет господства на морях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Igmer A. J. Die Erwerbung von Kiautschou, 1894 bis 1898. Köln-Bonn, 1930.
2. Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903 гг. М., 1998. С. 18-65.
3. Помимо известных германских и российских публикаций документов по истории захвата Цзяочжоу в «Гроße Politik» и «Красном Архиве» см. также: Закатей Е. М. Россия и оккупация Германией бухты Цзяочжоу (новые документы) // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С. 66-75.
4. Altrichter H. S. Konstitutionalismus und Imperialismus. Der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen 1890-1914. Frankfurt, 1977. S. 196.
5. Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg. (Далее — ВА-МА). N 253/45. Tirpitz an Knorr. 5. 9. 1896. Augenblicklicher Stand der Information über etwaige Stützpunkte.
6. Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 110.
7. Там же. С. 111.
8. ВА-МА. N 253/45. Tirpitz an Knorr. 5. 9. 1896.
9. Ibid. N 253/45. Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 1. Amoy. Wirtschaftliches. 7. 12. 1896.
10. Ibid. Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 2. Samsah. 7. 12. 1896; Тирпиц А. Указ. соч. С. 110.
11. Тирпиц А. Указ. соч. С. 113.
12. ВА-МА. N 253/45. Tirpitz an Knorr. 5. 9. 1896.
13. Ibid. N 253/45. Tirpitz an Knorr. Anlage 4. Kiaotschau. 7. 12. 1896.
14. Ibidem.
15. Ibidem.
16. Тирпиц А. Указ. соч. С. 112.
17. Там же. С. 113.
18. Там же. С. 127.
19. Там же. С. 128-129.
20. Там же. С. 130.
21. Steinberg J. Yesterday's Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet, London, 1968. P. 129.
22. Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart-Berlin, 1924. S. 7.
23. Altrichter H. S. Op. cit. S. 197; Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М., 1960. С. 407-424.
24. Цит по: Ротштейн Ф. А. Указ. соч. С. 418.
25. Altrichter H. S. Op. cit. S. 199.
26. Hohenlohe-Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten. Bd. 3. Stuttgart, 1931. S. 412.
27. Ibidem.
28. Holstein an Hatzfeld. Berlin. 13. 11. 1897. In: Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963. № 630. S. 44.
29. Ibidem.
30. Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. S. 184.
31. Eulenburg an Holstein. Wien. 13. 11. 97. In: Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963. № 631. S. 47.
32. Friedrich von Holstein an Eulenburg. Berlin. 10. 11. 97. In: Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen, Krieg und Katastrophen. 1895-1921. Boppard am Rhein. 1983. S. 1352.
33. Hohenlohe. Op. cit. S. 411.
34. Ibidem.
35. Ibidem.